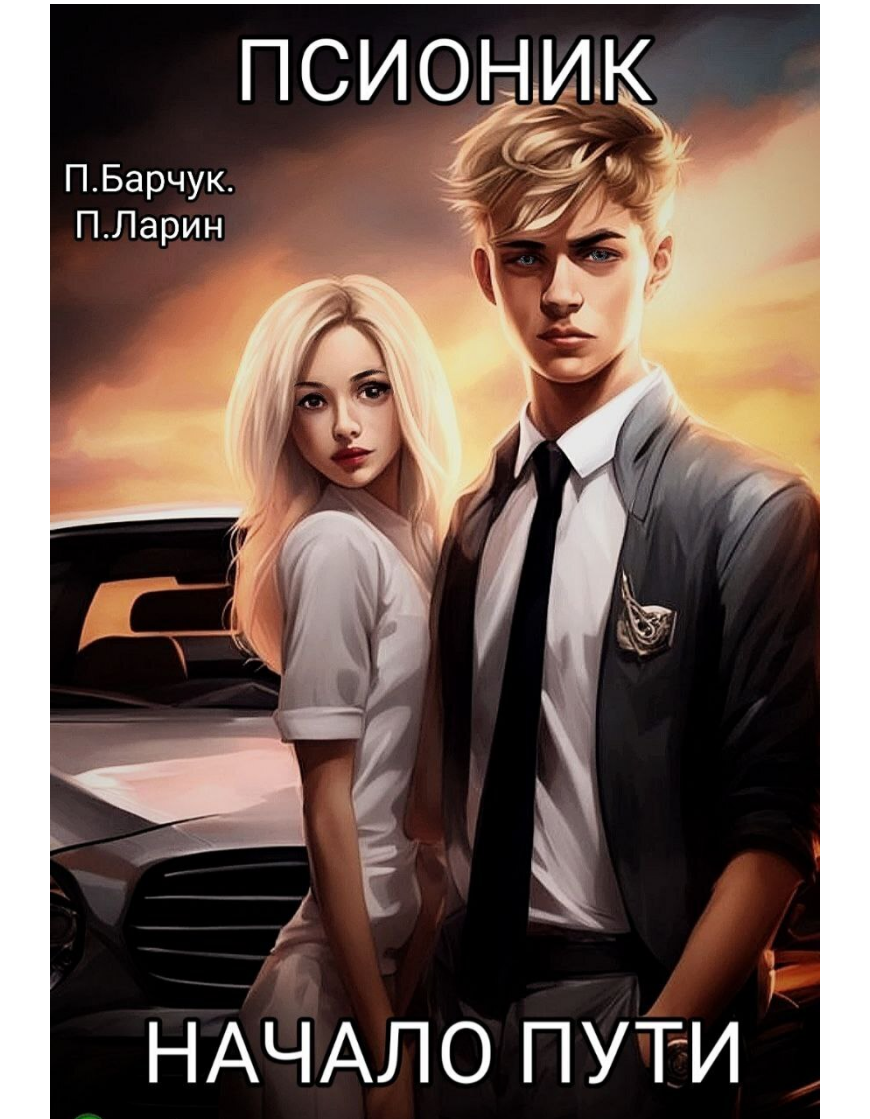

ПСИОНИК

П.Барчук.
П.Ларин

The illustration depicts a young man and woman in formal attire standing next to a dark-colored car. The man, on the right, has short, light brown hair and is wearing a dark grey suit jacket, a white dress shirt, and a black tie. The woman, on the left, has long, straight blonde hair and is wearing a white short-sleeved dress. They are both looking towards the viewer with serious expressions. The background is a dramatic sunset or sunrise with warm orange and yellow tones. The car's front grille and headlight are visible on the left side.

НАЧАЛО ПУТИ

Павел Барчук
Павел Ларин
Псионик. Начало пути
Серия «Псионик», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70369444
Барчук Павел, Ларин Павел. Псионик. Начало пути: 2023

Аннотация

В моем мире нет волшебства, магии и чудес. В моем мире – чудо, если у тебя имеется крыша над головой и еда. В моем мире таких, как я – утилизируют. Мы опасны, неуправляемы, бесконтрольны. Кого волнует, что мне всего лишь 14 лет?

Но я выживу. Выживу, стану тем, кем должен быть по праву рождения. А все, кто пытается мне помешать... Простите, ничего личного. Лучше сдохнете вы, чем я.

Содержание

Открытые карты и туз в рукаве	5
Новые лица и новые мысли	17
Друзья и враги	27
Первая стычка и первый результат	42
Знакомство продолжается	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Барчук, Павел Ларин Псионик. Начало пути

*** * ***

Открытые карты и туз в рукаве

– Ну, вот... Так гораздо лучше... Теперь можно и побеседовать. – Романовский потянулся за чашкой, стоявшей на маленьком столике, взял ее в руку, потом откинулся в большом плетеном кресле и с выражением неимоверного удовольствия на лице сделал глоток.

От чашки одуряюще пахло кофе. Теперь я точно знаю этот запах.

Мы сидели на просторной веранде, которая находилась со стороны заднего двора. Я и Ликвидатор. Вдвоём. Более странной компании, если честно, представить сложно.

После нашей крайне неожиданной встречи прошло почти два часа. За это время я успел принять ванну, переодеться, изучить свою личную спальню. Или свою личную тюрьму. Тут как посмотреть.

А еще я успел в полной мере ощутить, чем отличается жизнь богачей от той, которая привычна мне. Не увидел, не оценил со стороны, а именно ощутил, испытал на своей шкуре.

Для начала – спальня. Она была, конечно же, шикарной, как и весь дом. Огромная комната, с большой двуспальной кроватью, плазмой на стене, акустической системой, компьютером, рабочим столом, просторным шкафом и ванной комнатой, которая находилась тут же.

Собственная ванная комната... Охренть можно. Причем, размеры ее уступали спальне совсем немного. Там имелась душевая кабина, непосредственно – сортир, куда же без него, джакузи и небольшая сауна. Факт существования последней поразил меня сильнее всего. Отдельная сауна только лишь для одной спальни. Вряд ли все жильцы дома пользуются ею. Получается, она – чисто моя.

– Ни черта себе вы зажрались... – Высказался я вслух.

– Ой, знаешь, что... – Ангелина, которая устроила мне экскурсию сначала по всему дому, а теперь показывала место, где я буду жить, недовольно повела плечом. – Так говоришь, будто лично мы с отцом виноваты, что существует огромная пропасть между различными слоями общества... Ну, да... У нас есть деньги...

– Нет... – Я с усмешкой покачал головой. – У вас до хрена денег. Вот так будет более точно.

– И что? – Лина с вызовом уставилась мне в глаза. Мы стояли в спальне, где я только что закончил осмотр своего нового жилища. – Отец родился в ремесленном квартале. Чтоб ты понимал. В маленьком провинциальном городке. В Сибири. Но он знал, что хочет от жизни и смог этого добиться. Чем Романовский Сергей Сергеевич отличается от какого-нибудь Васи Пупкина, прозябающего в нищете? У них обоих – две руки, две ноги, голова, два глаза. Просто мой отец всегда четко знал, чего именно хочет от жизни. А все эти нищетоходы...

Девчонка, не договорив, осеклась. И даже, как мне кажет-

ся, смутилась. Но все не потому, что ей стало стыдно. Видимо, по моему лицу поняла, продолжать дальше столь содержательную мысль не нужно, я точно ее не оценю.

– Мне вообще насрать, что ты говоришь. Исккупаться хочу. А то мы, нищоброды, не имеем такой возможности. У нас кроме скромной душевой, метр на метр, и воды, которая поступает по специальному графику, ничего, как бы, нет. А вода эта вызывает большие сомнения, не слезет ли вместе с грязью кожа. Чтоб ты понимала... Питьевую воду нам привозят в определенные дни, в больших баках. И выдают по количеству членов семьи. Но так происходит только у нищобродов. У богатеев – все нормально. У них скважины, водопровод. Или что там еще. Просто в моем районе, где живут рабочие с завода, сочли нецелесообразным восстанавливать нормальное водоснабжение. Зачем? Средняя жизнь не так уж велика. Но, думаю, тебе тоже насрать на то, что говорит какой-то нищоброд.

Сказал я Ангелине в ответ и демонстративно отправился в ванную, прихватив одно из полотенец, которые лежали на кровати аккуратной стопкой.

Вообще, мне это не особо было нужно, если честно, мог бы просто искупаться, но из принципа я вылил в ванную почти половину пузырьков, стоявших на туалетном столике. Причём, даже не знаю, что именно это было. Не стал заморачиваться и разбираться. Потом залез в горячую воду, которую полностью скрывала густая пена, и полчаса тупо ле-

жал, плясая в потолок. Периодически спускал и снова набирал ванную. Просто так.

Глупо? По-детски? Наверное. Естественно, никому такой демарш вреда не нанес. Но лично я чувствовал какое-то извращенное удовольствие от этого. Будто с каждой каплей воды, потраченной на себя, я лишал данного удовольствия тысячу богатеев.

Когда кожа стала напоминать сморщенную, красную хрень, даже на коленках, вылез, одел халат, висевший на крючке, и отправился в комнату.

Мои шмотки были грязными. Я таскался в них с момента, как покинул родной район. Но все равно хотел нацепить именно свои вещи. Пусть не думают, будто сраные их ванные и спальни способны изменить мое отношение. Тем более, Романовский отправив меня со своей дочерью из столовой, велел ей заняться образом псионика-игрушки. Так ведь она меня воспринимает. Девчонка психанула, конечно, на мое высказывание и ушла. Не стала выполнять указание Ликвидатора. Но так даже лучше.

Пока не пойму, что именно затеяла эта семейка, не нужно мне от них ни черта.

Однако, когда вышел из ванной комнаты, шмоток своих не нашёл. Видимо, их забрали в стирку. А может, тупо выкинули. Не знаю. Может, они не соответствуют всему, что здесь есть. Портят общую картину шикарной жизни.

В итоге, пришлось открыть шкаф в поисках чего-то бо-

лее-менее подходящего. Отодвинул створку и обалдел. На вешалках висели вещи моего размера. Все. До единой. Джинсы, брюки, спортивные костюмы, рубашки, пиджаки, футболки, толстовки.

– Класс... – Я замер, уставившись на это шмоточное великолепие. – Получается, меня здесь не только ждали, но и готовились встретить...

Не особо выбирая, хапнул первый попавшийся спортивный костюм и футболку. Обувь тоже имелась и, вот ведь удивительное совпадение, опять моего размера.

– Что же тебе так понадобилось? Ты готов жопу порвать, великий Ликвидатор псиоников...

Натянул одежду и кеды, а потом отправился вниз. Можно, конечно, сидеть в комнате, но смысл? Лучше уж сразу все выяснить. В любом случае меня ведь никто сейчас не тащит в застенки Особого отдела, значит, будет какое-то предложение. Скорее всего, в виде риторически поставленного вопроса. То есть мой ответ предполагается сразу. И он, похоже, – положительный.

Внизу никого не наблюдалось. Ни Ангелины, ни прислуги.

Я прошёл через гостиную к высоким стеклянным дверям, ведущим на веранду. Заметил там ноги. Не просто ноги, естественно, не сами по себе. Кто-то сидел в кресле, которое стояло полубоком.

– Проходи. Присаживайся. – Сказал Романовский, едва я переступил порог.

Он выглянул из-за спинки и кивнул мне на второе такое же кресло, стоявшее рядом.

Я молча выполнил указание. На приглашение это совсем не было похоже. В интонации Романовского отчетливо слышались командирские нотки.

– Поругались с Линой. – Констатировал он очевидный факт. – Зря. Вы много времени будете проводить вместе. По крайней мере, пока мы не выполним первую часть плана.

– А у нас есть план? – Я усмехнулся. Вот и началось. Без вступлений и прелюдий. Сразу к делу.

– У нас – нет. У меня – да. – Полковник потянулся за чашкой, затем отпил из нее немного.

Хотя, в этой ситуации больше подошел бы алкоголь. Мне так кажется. Просто во второй руке у Ликвидатора была сигара. В фильмах и книгах такие серьезные дядьки непременно вместе с сигарой употребляют какой-нибудь виски.

– Зачем я Вам? – Тоже не стал ходить вокруг да около. Чем быстрее станет понятна ситуация, тем лучше.

– Видишь ли, Борис... – Романовский выпустил клубы дыма, наблюдая, как они поднимаются в воздух. – Империя, это, конечно, хорошо. Я лично – самый что ни на есть рьяный монархист. Но сильная Империя – еще лучше. Ты знаешь, правитель у нас сейчас чисто номинальный. Он выполняет роль эдакого свадебного генерала. Сидит, щеки дует. Но в реальности все решают Корпорации. Да, они, можно сказать, объединили нашу страну, собрали ее из обломков, но

вот только слепили то, что выгодно им. А я, знаешь ли, патриот...

Романовский замолчал, нахмурился, потом повернулся ко мне, хотя да этого демонстративно пялился куда-то в небо, пуская туда же сизые колечки.

– Ты находишь мои слова смешными?

Видимо, я слишком громко хмыкнул после его пафосной фразы.

– Я Ваши слова вообще никакими не нахожу. Вы – руководитель Особого отдела. Вам верить – себя не уважать. Я знаю точно, несмотря на свой возраст, особисты ничего не делают просто так. Это – первое. А второе... Мне кажется, всем вообще плевать на страну, Империю, народ или что там еще. Пару часов назад Вы сказали, будто я не дурак. Что-то изменилось за это время? Я резко поглупел? Иначе, зачем бы Вы мне прививали эту чушь.

– Как же грубо выражаются современные подростки... – Полковник скривился. – Ну, ладно. Хорошо. Обойдёмся без речей о патриотизме и долге. Давай зайдём с другой стороны. Я хочу уничтожить Корпорации, как явление.

Вот тут меня проняло. Теперь мой взгляд уперся в Романовского. Пытался понять, он, может, не в себе? А что? Работа тяжёлая, напряжённая. Вот человек и дошел до ручки. Несёт полнейшую ерунду.

– Вы же знаете, все, что есть в Империи, все, что делает нас сильнее остальных – связано с Корпорациями. И заметь-

те, я далеко не их фанат, но не признавать это нельзя. На них держится экономика. Они владеют всем производством.

– Слушай... – Ликвидатор снова уставился вдаль, не обращая внимания на то, что я совершенно беспардонно на него пялюсь. – Когда-то очень давно один правитель сказал такую фразу... Незаменимых людей нет. Но это касается не только конкретных личностей. Это касается и Корпораций. Я не идиот. Это на всякий случай, чтоб ты не заблуждался. Совершенно не планирую погружать снова Империю в хаос. Нет. Оно ведь знаешь, как бывает? Можно объявить войну, взять оружие в руки и идти лоб в лоб. Опыт показывает, ничего хорошего в данном методе нет. Он приводит к очень плачевным последствиям. А можно запустить в стан врага шпиона, вручив ему шприц с ядом. И он точно уберет всех, кто мешает процветанию государства. Еще лучше, если этот шпион – и есть яд. Тогда не последует больших жертв. Никто даже не заметит, что именно произошло. Люди будут просыпаться, вставать, идти на работу, тратить деньги, кушать еду, совершенно не понимаю, насколько важные процессы запущены.

– В роли шпиона выступаю я?

– Ты. – Романовский кивнул. – Ты и шпион, и яд. Когда мне стало известно о существовании псионика с... Кстати, так сколько способностей у тебя, Борис?

– Четыре из пяти. Не открылось только прогнозирование. – Я не стал сочинять или скрывать. То, что Ликвидатор

задал мне вопрос, вовсе не говорит о том, будто ответ ему заведомо не известен.

– Отлично... – Полковник даже причмокнул языком, словно смаковал какое-то вкусное блюдо. – Так вот. Когда я узнал о существовании псионика с несколькими способностями, понял, это не случайно. И жирная гнида, связавшийся с наркокартелем, попал нам в руки тоже не случайно. Время пришло.

– Вы меня простите, но я пока не понимаю. Судя по Вашим же словам, сказанным мне в столовой, никто не знает об интересе Ликвидатора к псионику. Собственно говоря, о псионике тоже никто не знает. Обо мне никто не знает. Я, конечно, польщён, что Вы так высоко оценили мои возможности. Но... Не представляю, каким образом смогу взять под контроль все Корпорации. Дело ведь в этом, правильно? Вы хотите, чтоб Корпорации подчинялись Вам.

– Вот! – Романовский ткнул в мою сторону рукой, в которой была зажата сигара, а потом вскочил на ноги и отошел к широким перилам, по всему периметру огораживающим веранду. Оперся о них задом. Теперь он стоял ко мне лицом и мы смотрели друг на друга. – Об этом я и говорю. Ты – умен. Неопытен, да. Но умен. Это такая разновидность ума... Я бы назвал ее инстинктами. Настоящими, животными инстинктами. Человечество утратило эту важную часть себя. А Псионики... У вас наоборот, инстинкты развиты невероятно сильно. Вы, как лисы, которых гонят в но-

ре. Знаете точно, как запутать следы и в какой тоннель нырнуть. Даже тот факт, что на протяжении долгих лет о твоём существовании не знал никто, говорит о многом. Никто ведь не знал?

Полковник задал этот вопрос равнодушным тоном. На лице у него был лишь небольшой интерес. Но что-то мне подсказывало, Ликвидатор вовсе не праздное любопытство проявляет. И даже, подозреваю, я понял, к чему идет разговор.

– Нет, конечно. Никому не известно. – Ответил, глядя ему прямо в глаза.

Хрен тебе, хитрая тварь, а не правда. В этом случае, даже если на куски будут резать, я не признаюсь. Потому что понимаю, он ищет рычаги воздействия на меня. Одного страха за свою жизнь мало. И полковник это знает. Нужен страх за другого человека.

– А эта девочка... – Романовский несколько раз щелкнул пальцами в воздухе. Типа, вспоминает имя. – Ах, да! Настя... Она не знает разве?

– Откуда? Я хорошо скрывал способности.

– Удивительно... – Романовский взглядом буквально разбирает меня на молекулы. – Вы ведь очень дружны. Об этом все говорят.

– Говорят, козла доят. – Я нагло вато усмехнулся. Надо соответствовать образу неблагополучного подростка. – Настя умная. Она живет в соседнем доме. Помогала мне с уроками, с учёбой. В школу я тоже попал благодаря ей. В некото-

ром роде, можно сказать, пользовался нашей дружбой. Удобная это штука во многих вопросах. А насчёт остального... В моей ситуации доверять кому-то – большой риск. Тот случай с Жиртрестом, в детстве... Она не поняла, что именно произошло. Поэтому, если Вас беспокоит степень чьей-либо осведомлённости, можете не париться. Все нормально. Я бы хотел, чтоб Вы уже перешли к главному. Цель ясна. Нужен контроль за Корпорациями. И как по-Вашему можно этого достичь?

– Как... Это – самый интересный момент. – Романовский оторвал свой зад от перил и снова уселся в кресло. Видимо, проверку на вшивость я прошёл. – Ангелина учится в лучшей школе империи. Последний класс, выпускной. Учится там не только она. Среди ее одноклассников числятся трое парней и девочка, которые нам очень интересны. Дети бенефициаров. Четыре подростка – четыре Корпорации. Как ты знаешь, внутри каждой из них существует четкая система управления и, соответственно, наследования. Если вдруг что-то произойдёт с бенефициаром, руководство компании попадет в руки сына или дочери. Сторонних людей к власти не допустят. Поэтому за своим потомством владельцы Корпораций следят пристально. Наследник окажется под контролем Правления, конечно, но это – мелочи. Четыре Корпорации из семи... Большинство, которое нам необходимо. Вопрос относительно трех оставшихся будет решаться во время реализации второго этапа моего плана. До этого еще надо

дойти. Сейчас нам нужно заняться тем, что имеется на сегодняшний день. Вот, собственно говоря, – твоя задача.

– Если что-то произойдёт с бенефициарами... – Повторил я фразу Романовского. – Так полагаю, слово «если» здесь лишнее. С ними непременно что-то произойдёт... Ну, хорошо. Сильной скорби не буду испытывать. Однако, вопрос все тот же. Мне надо находиться рядом этими людьми. Рядом с наследниками. На расстоянии, будь я хоть трижды псиоником, воздействовать на объект очень сложно. Это – первый нюанс. Второй – не уверен, что знаю, как нужно работать с подавлением воли правильно. Я вообще не уверен, что знаю, как правильно использовать способности. Меня никто не учил, Вы знаете. Все, что могу, основывается на личном опыте, который не был многочисленным.

– Это не проблема. – Полковник пожал плечами. – Я знаю о псиониках больше, чем кто-либо в Империи. Посвятил много времени изучению врага, чтоб иметь возможность бороться с ним. Так что, второй вопрос мы, считай, решили. А насчёт первого... В школе ждут дальнего родственника семьи Романовских. Талантливый мальчик из провинции. Сын троюродной сестры, которая, кстати, существует на самом деле. И сын тоже существует. Так что... Поздравляю Борис. С завтрашнего дня ты – член элитного клуба столичной молодежи.

НОВЫЕ ЛИЦА И НОВЫЕ МЫСЛИ

– Черт... Какая же срань... Ужас... – Высказался я, рассматривая свое лицо в зеркало заднего вида.

Лицо было... Блевающее. Слишком смазливое, слишком ухоженное, слишком высокомерное. Да еще теперь из брюнета, которым провел всю сознательную жизнь, я превратился в голубоглазого блондина, чего сильно не хотелось. Жесть, конечно... Да, уже приходилось таскать на себе образ Костырева. Но в том случае я знал, это ненадолго. Теперь же вопрос времени, сколько придётся выглядеть вот таким богатеньким мудаком, оставался открытым. Сроки непонятны. Романовский четко обозначил, финал первого этапа – крепкая дружба с наследниками Корпораций. Я должен стать максимально близким им человеком. Второй этап – контроль на ними. Третий... Про третий Ликвидатор сказал, говорит рано. Но я, честно говоря, подозреваю, что именно с третьего этапа начнется полноценное дерьмо.

Как исключить из схемы бенефициаров? Они должны сдохнуть. Это понятно. Вот только сдохнуть владельцы Корпораций должны естественно. Без лишних вопросов и подозрений. А кто это может сделать? Вопрос, на который не нужно отвечать. И так все ясно.

– Черт... Даже уши какие-то слишком идеальные. – Я покрутил башкой, рассматривая обозначенную часть нового

тела.

Для этого пришлось немного сдвинуться в сторону Лины, сидевшей за рулем. Чему она явно была не рада. Я практически прижался к ее плечу своим.

– Аккуратнее. – Девчонка демонстративно скривилась. Она вообще разговаривала со мной «через губу». – Не один тут вообще-то. И не срань, а вполне симпатичный образ.

– А я говорю, срань... – Широко улыбнулся отражению. Оно сделало то же самое. Зубы – слезы и горе любого приличного стоматолога. Слишком ровные, слишком белые. На таких зубах ни черта не заработаешь.

– Ты говоришь, на минуточку, о моем троюродном брате. Забыл? Сейчас ты – это он. А у нас в семье все красивые. Ясно? – Лина фыркнула и толкнула меня рукой. – Сядь уже. Мешаешь вести тачку. Крутишься перед зеркалом, как девчонка, ей-богу...

По сравнению с нашей первой встречей Ангелина, конечно, изменилась. Она больше не трещала без умолку и выглядела гораздо более сообразительной. Видимо, поведение глупой, избалованной идиотки в прошлый раз демонстрировалось специально для меня. На самом деле, дочь Ликвидатора далеко не дура и уж точно не пустышка. Гены, что говорится, пальцем не сотрешь. А при таком папаше глупости там взяться неоткуда. Это я еще вечером понял. После нашего разговора с Романовским, когда к обсуждению присоединилась данная особа. Полковник, кстати, так и не стал

рассказывать все подробности своего плана. Сказал, нужно действовать поэтапно. И первый этап – мое появление в супер-мега-охренительно крутой школе. Смешно даже. Все эти элитные гадюшники буквально преследуют меня. Некоторые мечтают попасть в подобные места, а я не мечтаю, но попадаю.

Едва Романовский озвучил задумку насчёт детишек бенефициаров, тут же нарисовалась Лина. Она будто ждала сигнала. Хотя, может, так оно и есть. У меня сложилось впечатление, с отцом ее связывают не только кровные узы. Он был для нее кем-то типа учителя, наставника, командира. Думаю, Ликвидатор просто заранее решил подсуетиться, приготовить себе достойную замену. Потому что про всякие там патриотизмы и любовь к Родине он может заливать сколько угодно, хрен поверю.

Моя версия значительно отличалась от сказанного Романовским. Я думаю, мужик просто задолбался воевать с Корпорациями и решил разобраться с ними радикальным способом. Уничтожить к черту тех, кто мечтает уничтожить его самого. Вот и все. Да, пока что все попытки Корпораций убрать с арены главного особиста заканчивались провалом. Но это – пока. Рано или поздно кто-то из бенефициаров достигнет успеха. А полковнику, ясное дело, такого исхода совсем не хочется. Вот он и решил действовать на опережение.

Кроме того, неплохо, конечно, прибрать к рукам силу, которая заправляет в Империи. Это тоже вполне понятно. Кор-

порации, по сути, и есть Империя. Если они окажутся под пяткой Ликвидатора, никто больше не сравнится с ним мощью и влиянием. А насчет патриотизма... Это он пусть вон, добропорядочным гражданам заливаает.

После появления Лины теория закончилась и началась практика. Девчонка, кстати, вообще не задавала никаких вопросов. Сходу включилась в процесс. Значит, она заранее все знала. Вплоть до того, что именно будет говорить ее папочка здесь, на веранде. Впрочем, тут сомневаться точно не приходится. Ангелина – правая рука папаши. Даром, что молодая.

– Это он? – Спросил я, рассматривая фото на планшете, который девчонка сунула мне под нос с недовольным видом. – Вот таким предстоит быть в ближайшее время? Черт... Рожа так и просит разбить ей нос...

– Ой... можно подумать... – Начала было Ангелина, но тут же покосилась на отца и замолчала.

– Да. – Ответил Ликвидатор вместо нее. – Антон Лерманов. В школе я обо всем договорился. Даже документы готовы. Их переслали со старого места учёбы еще неделю назад. Более того, настоящий Антон уже, наверное, давным-давно сел в поезд, который направляется в Новый Питер. Весь его небольшой, провинциальный городок знает, что парень будет теперь учиться в столице. Что его пристроил в теплое местечко богатый родственник. Вполне возможно тебя будут проверять. Хотя... Не вполне возможно. Точно будут.

У каждого бенефициара – своя служба безопасности. Естественно, любой новый друг наследника рассматривается под лупой. А уж родственник Романовского, и подавно. Поэтому, легенда сделана исключительно правдиво. Особенно в деталях. Детали – вот что всегда все губит. Как, например, твоя сумка. Ты менял лица, а сумка оставалась прежней. Глупо? Глупо, конечно.

– Неплохо подготовились. – Я усмехнулся, игнорируя комментарий про сумку. Второй раз об этом говорит. Далась она ему. Ну, да, затупил. Это – факт. Но чего уж теперь тыкать постоянно в глаза. – И куда же денется настоящий Антон? Он ведь не испариться в воздухе?

– Никуда он не денется. – Ответил Романовский, – Доедет до центрального вокзала, его встретит наш водитель. Привезёт сюда. И завтра утром Антон пойдёт в школу вместе со своей сестрой.

– С его сестрой в школу пойду я. Куда денется Антон?

Сам не знаю, почему меня переклинило. Не то, чтоб имелась уверенность, будто Романовский собирается грохнуть родственника, но и обратного не могу утверждать. Есть ощущение, этот человек способен на много. Если не на все.

– Тебе какая разница? – Влезла девчонка, сразу оценившая мой вопрос. Вернее, его суть. – Ты же всех нас ненавидишь. Должен радоваться, если на одного богатея станет меньше.

– Лина!

Полковник повысил голос буквально на чуть-чуть, но его дочь моментально заткнулась. Даже немного втянула голову в плечи. На ее лице появилось чувство вины. Не передо мной, естественно. На хрен я ей нужен. Перед отцом. Типа, она что-то сделала не так.

Я видел по ее напряженной спине и закушенной нижней губе, там точно имеется много не самых приятных фраз, предназначенных мне. Однако, перечить Ликвидатору она не рискнула. А тот явно одним лишь словом дал ей понять, чтоб девчонка поумерила гонор. Дрессировка на высоком уровне...

– Прекратите собачиться. Вы так можете все испортить... – Полковник вдруг замолчал, не договорив, а потом задумчиво посмотрел на меня, на Ангелину. – Хотя... Может, наоборот... будет даже лучше... Приехал провинциальный родственник. Он бесит тебя слишком сильно... Ты – столичная штучка, которой этот деревенщина и даром не нужен. Но вынуждена таскать его везде с собой, приглядывать, знакомить с друзьями. Да!

Романовский с довольным лицом откинулся на спинку кресла и потер ладоши. Мы по-прежнему находились на веранде. Полковник сидел на том же месте, я и Лина стояли рядом. Я, как идиот, с планшетом. Впрочем, оба мы, как идиоты, топтались перед Ликвидатором, словно солдаты перед генералом.

– Думаю, эту часть истории немного изменим. Тебя ведь

одноклассники недолюбливают. Так? Считают высокомерной выскочкой, которая по праву рождения должна хлебать грязь в ремесленном районе, а никак не вести столь шикарную жизнь. – Ликвидатор задумчиво посмотрел на дочь. – Боятся, но в глубине души ненавидят. И если в вашем классе появится родственник, с которым вы сильно не ладите, к нему точно набьются в друзья все, кто нам нужен. Не он будет инициатором этой дружбы, а они... Отлично. Продолжайте собачиться. Это выглядит естественно и органично. Мы придумаем несколько ситуаций, в которых ты, Лина, поступишь с братом абсолютно отвратительно. Создадим между вами не просто неприязнь. Создадим ненависть. Это и станет тем крючком, на который подцепим нужных нам деток. В любом случае, с родственной любовью у вас будут проблемы, слишком сложно изображать то, чего нет, постоянно, а вот с враждой... Исключительно натурально выйдет.

Романовский кивнул, подтверждая свой приказ. Лина молча покосилась в мою сторону. Судя по лицу, это для нее не составит особого труда. Имею в виду, постоянно со мной ругаться. Она прямо ищет повод, чтоб прицепиться.

Вообще, конечно, странная особа, честно говоря. Когда мы сидели днем в столовой, она буквально фонтанировала восторгом. Так ей круто было общаться с псиоником. Да и я сам чувствовал от нее симпатию. Хотя, нет... Симпатия, не то слово. Чувствовал от нее любопытство, интерес, желание поковыряться в моем сознании, в моей башке. Но все это

было прикрыто позитивом.

Теперь же она всячески демонстрировала раздражение и негатив. Интересно, чем я ее зацепил? Неужели тем коротким разговорам в спальне? Или, может, тем, что псионик вдруг проявил характер. Что он не хочет быть подопытным кроликом?

Если откровенно, вообще по хрену. Пусть психует, сколько угодно. Даже в некотором роде приятно, что моя скромная персона начала ее так сильно бесить. Но для себя хотелось бы знать, какими способами можно эту малолетнюю дрянь выводить на эмоции. Полезное знание. И, да... Я однозначно решил, Ангелина Романовская – дрянь. Причины для этого были.

Во-первых, девчонка развела меня, как придурка, с этой аварией, со своим образом богатенькой блондиночки, которая много говорит и мало соображает. Во-вторых, мне не понравились ее слова, сказанные за столом, когда появился Ликвидатор. Не наигралась она с псиоником. Ясно? Не наигралась. Типа, я и не человек вовсе, а какая-то кукла. Робот. Не знаю... Животное-мутант. Кто угодно, но точно не равня ей. В третьих, я прекрасно слышал в ее голосе, когда она начала рассуждать о нищebroдах, высокомерие. Хотя, чего еще ждать от дочери главного особиста Империи? Тем более, от такой дочери. Которая, видимо, папочкину работу считает чем-то фантастически-героическим. Она предана отцу до самого нутра, до самой кости, до последней капли крови.

Она верит и в Романовского, и в его цели.

В любом случае, уже очевидно, мы с Анжелиной не подружимся. И это очень хорошо. Я рад, что эти чертовы Романовские пока соответствуют моему о них мнению. Ликвидатор – хитрый, продуманный махинатор, который хочет загрести в свои руки абсолютную власть. Дочь его – точная копия отца. Только еще отлично выдрессированная.

– Значит, так... – Полковник резко посерьёзнул.

Из его взгляда исчезло насмешливое выражение, которое имелось там с нашей первой встречи. И я имею в виду встречу не здесь, не в столице. Я говорю о Проверке в школе. Уже тогда он вел себя немного странно. Теперь понятно, почему. Угорал, наверное, наблюдая, как я тщательно пытаюсь обмануть их аппарат.

– В доме чтоб не было никаких скандалов, ненавижу ругань. Пошло это. К тому же, на данный момент мы находимся в одной лодке. Раскачивать ее точно не нужно. А на людях – пожалуйста. На людях наоборот, вымещайте свою неприязнь, сколько угодно. Я так понимаю, ее у вас предостаточно. Действовать будем следующим образом. Каждый день вечером встречаемся в кабинете, и вы даете отчет о том, что было, что получилось или не получилось, что запланировано на завтра. Сейчас вы все-таки отправитесь в комнату Антона... Да... Это важно. Ты больше не Борис. Забудь свое прошлое имя.

Ликвидатор сурово посмотрел на меня. Не знаю, чего он

ждал в ответ, но я не Ангелина. Я не поддаюсь дрессировке. Да, сейчас у меня нет выбора. Чертов Романовский создал такие условия, в которых по-другому поступить не получится. Загнал меня в угол. Но с другой стороны, если посмотреть на это с точки зрения выгоды, а выгода есть всегда и во всем, в данный момент полковник снимает часть насущных проблем своим появлением. Я получу шикарный дом, где смогу жить в комфорте, доступ к Корпорациям, где можно найти способ осуществить не только план Романовского, но и свой, а главное – обучение. Это, пожалуй, самое важное. Ликвидатор действительно единственный человек в Империи, который знает о псиониках все. И он даст мне информацию. Потому что ему это выгодно. В любом другом случае я бы так и продолжал тыкаться в углы, как слепой котенок. Ну, а дальше... Дальше нужно будет смотреть по ситуации, искать возможность выбраться из этой ловушки. А я совсем не обольщаюсь. Романовский загнал меня в ловушку. И не надо быть долбанным гением, чтоб понять, как только моя персона станет ему неудобной, меня моментально отправят на утилизацию.

Друзья и враги

– Привет, придурки! – Крикнула Ангелина кучке парней и девчонок, которые стояли возле школы. – Мурзаев, хреново выглядишь. Не одевай больше этот свитер. Смотрится, будто кого-то стошнило. Блин... Или дело не в свитере...

– Действительно... и чего это они ее ненавидят... Само очарование... – Буркнул я себе под нос.

Вообще, реально говорил вслух исключительно от нечего делать. Топал следом за Романовской, как школьник, которого старшая сестра привела на уроки. Однако Лина услышала мою фразу.

– Они на самом деле придурки. – Добавила она тише. При этом своим одноклассникам улыбалась очень активно. Даже несколько раз помахала рукой.

– Это, конечно, я не сомневаюсь. Просто любопытно, ты специально их провоцируешь? – Разговаривал с девчонкой, вернее, с ее спиной, Ангелина шла чуть впереди, и попутно рассматривал место, куда она меня привезла.

На школу оно если и было похоже, то лишь наличием спортивной площадки, часть которой виднелась из-за четырехэтажного кирпичного здания. Однако, даже эта площадка больше подошла бы для проведения каких-то международных соревнований, чем для занятий физкультурой.

Само заведение напоминало музей или небольшой дво-

рец. Колонны, окна с узорами, мраморные ступени. Рядом – аллея, которая упирается в небольшой парк со статуями и скамейками на резных ножках. Наверное, чтоб точно было понятно, кто именно здесь учится. Для полноты картины на парковке рядом со школой стояла куча модных, навороченных тачек. Просто выставка достижений автомобильной промышленности какая-то.

– Ну, да. Специально провоцирую. И что? – Ангелина небрежно пожала плечами. – Я же знаю, какие гадости они обо мне думают на самом деле. Какие сплетни говорят за спиной. И между прочим, не имеет значения, насколько хорошо или плохо я себя веду. Одно время пыталась всем угодить. Прямо хотелось, чтоб со мной дружили. По-настоящему.

Девчонка резко замолчала. Мы остановились возле школьных ступеней, она достала телефон и начала кому-то писать сообщение.

– И что? – Спросил я.

– Что? – Она подняла взгляд.

– Насчет дружбы.

– А-а-а-а-а... не вышло. О! Варька! – Лина заметила кого-то за моей спиной и переключилась на новый объект. Типа, ей плевать на одноклассников, на их отношение и на то, о чем мы говорили. Ну, да... ну, да...

Я обернулся. К нам, отделившись от толпы учеников, которые решили, видимо, потрындеть перед уроками на ули-

це, направлялись трое. Девочка и два парня. В наличие у этой троицы имелся стандартный набор всех качеств богатеев. Смазливые рожи, высокомерные и наглые; уверенные походки; пренебрежение к окружающим, которым фонило за километр. Рождаются они, что ли, такими, не пойму.

Если когда-нибудь встречу кого-то нормального из этой богатенькой шайки-лейки, очень сильно удивлюсь. Но уверен, исключений не бывает. Пока они все, как на подбор, конченые говнюки, максимально далекие от реальной жизни.

– Варя! Я тебе звонила, ты чего не ответила? – Лина шагнула навстречу новоприбывшим, приобняла подругу за плечи. Они легонько прижались друг к другу щеками. Сначала одной, потом другой. Цирк, блин... Светская элита, чтоб их...

– Да телефон в тачке оставила. Сегодня меня водитель привез. С отцом поругалась, швырнула мобильник на сиденье и забыла его там. – Ответила пока еще незнакомая мне девчонка, небрежно махнув рукой. Она говорила с Ангелиной, но при этом смотрела на меня. В ее глазах читался интерес. – Тот самый Антон?

– Да... – Романовская скривилась, будто ей под нос сунули вонючую кучу дерьма. – Вот... Отец сказал везде таскать его с собой. Пока не освоится в нашей школе, в нашем городе... Ну, типа, приобщить его к нормальной жизни... Мне же нечего больше делать, кроме как нянчиться с братишкой.

– А он симпатичный... Очень даже... – Подруга Лины окинула меня оценивающим взглядом с ног до головы и обратно, с головы до ног.

– Вообще-то, если вы обе не в курсе, говорить о человеке в третьем лице, когда он стоит рядом – некрасиво. – Я тоже нагло уставился на эту Варю. Правда, с моей стороны такое поведение было ответкой на ее откровенность.

– Не обращай внимания. У девчонок в голове – розовые единороги и радужные пони. Не надо ждать от них разумного поведения. Я – Николай. – Один из парней протянул руку, которую пришлось пожать. Игнор выглядел бы с моей стороны хамством. Тем более, в отличие от Романовской, мне как раз надо подружиться со всей богатенькой шушерой.

– Владислав. Для друзей – просто Влад. – Второй пацан тоже поздоровался стандартным мужским способом.

– Ой, молчали бы... Единороги... – Варя усмехнулась, продолжая пялиться на меня. – Можно подумать у вас там в голове – тридцать два Эйнштейна на одну мозговую клетку.

– В общем, это – мой троюродный брат, как вы поняли. – Снова вмешалась в разговор Романовская. – Антон или Тони. Ему больше нравится второй вариант. Типа, звучит не столь провинциально, как выглядит его лицо. Он теперь учится в нашем классе. Не могу сказать, что меня это радует, но, как говорится, родственников не выбирают.

Я посмотрел на девчонку. Интересно, она просто хорошо играет хреновое отношение к фальшивому брату или

пользуется возможностью, дабы лишний раз показать настоящие эмоции, направленные в мою сторону. Все-таки думаю, больше всего ее злит, что игрушка оказалась самостоятельной личностью, с характером, мыслями и желаниями. Даже несмотря на откровенный шантаж ее папаша. А по сути, поведение Ликвидатора шантаж и есть. Либо я выполняю все его указания и помогаю заполучить абсолютную власть, либо сдохну. Девчонка, наверное, была уверена, в свете подобных обстоятельств я буду полностью ей подчиняться.

– Что у нас? Какие дела? Я вчера была немного занята. – Ангелина мой взгляд проигнорировала.

Будто не заметила недовольства. Ну, ладно. Подождем. Хотя «Тони» бесит меня еще сильнее, чем новое лицо. Тони, блин... Тони, Бобби, хреноби... Дебильные собачьи клички.

– Да ничего особо. Кстати, я – Варвара Лопухина. Для тебя, красавчик, могу быть Лопушком. Такое позволяется очень немногим. Ценй. – Подруга Романовской игриво улыбнулась, а потом тоже протянула руку.

Я внутренне напрягся. Лопухины – владельцы одной из Корпораций. Это, выходит, дочь бенефициара. Так, что ли? Почему Романовская не упомянула столь важную деталь? Лопухиной не было в списке тех учеников, на которых мне надо обратить внимание.

А список, естественно, вручили первым делом после того, как замена личности прошла успешно. Впервые, между

прочим, использовал психометаболизм в присутствии посторонних. Несколько дискомфортно, надо признать. Особенно, если учесть, что Романовский с огромным интересом наблюдал за тем, как я это делаю. Буквально изучал каждое малейшее движение, не отрывая глаз.

– Любопытно... Ты представляешь себе нужный образ, как костюм. Да? А потом просто надеваешь его на себя. Ну, что ж... Оригинально. Думаю, конкретно в данном случае продолжай делать так же. На смену лица у тебя ушло несколько минут. Мощно... – Полковник покачал головой, видимо, недоумевая. Мне даже показалось, в его глазах отдаленно мелькнуло восхищение.

– А правильно нужно делать по-другому? – Я замер напротив зеркала, рассматривая симпатичного блондина в отражении. Мы переместились с веранды в спальню, именно для того, чтоб заняться непосредственно делом.

– «Правильный» способ занимает гораздо больше времени. Он тебе не нужен. Да и потом... Как правильно, никто не знает. Есть общие принципы, выработанные малочисленным опытом. Псионики открывают в себе способности в возрасте от шести-семи лет и до шестнадцати. Ты ведь знаешь. Раньше некоторые ухитрялись прятаться от Орбого отдела достаточно долго. Самый длительный период... Ммм... Около двадцати лет исполнилось парню. Да... В последние годы такого уже не случалось. Я хорошо делаю свою работу. Так вот... Мало времени у псиоников, чтоб создать какую-то

единую систему управления способностями. К тому же, поверь, у тебя выходит гораздо эффективнее, что лишний раз подтверждает мою правоту. Ты – удивительно талантлив.

После этих слов Романовский протянул мне планшет, чтоб я изучил имена и фото будущих «друзей».

Первым шел Никита Шереметев. Сын владельца «Рубина». Корпорация, которая занимается добычей, обработкой, а так же продажей драгоценных металлов и камней. Вот он, кстати, выглядел не очень свойственно для своего положения. Может, конечно, в жизни у пацана нереальная харизма, черт его знает, но на фото я увидел самого настоящего задрота. Лицо симпатичное, а при этом какое-то простоватое. С конопушками, рассыпанными по щекам, и широкими светлыми бровями. Такими же светлыми, как растрёпанные волосы, падающие ему на глаза. Взгляд у Шереметова был слишком тяжелый для шестнадцатилетнего пацана, хмурый. И еще – огромные уши. Уши у него были просто крупнейшие. Я бы с тоски удавился при таких ушах. Они привлекали внимание больше всего остального.

Второй в списке – Макс Бутурлин. Корпорация «Лотос». Тут все как положено. Морда лощеная, держит себя уверенно. Снимок сделали, когда он садился в тачку. В очень дорогую тачку, конечно же. Пацан в этот момент оглянулся на девчонку, проходящую мимо. В его глазах даже на фото можно было рассмотреть тень собственного гипертрофированного самолюбия.

Третий – Илья Головин. Корпорация «Источник». В их руках сушая мелочь – вода. Всего лишь водичка. Казалось бы, это ведь не драгоценности, не вся косметическая промышленность и производство хозяйственно-бытовых принадлежностей. Но тем не менее, именно «Источник» стоит на втором месте после «Светлого пути». Потому что без золота, крема от морщин и зубной пасты люди могут жить, а без воды – нет.

И последний, четвертый человек – Анна Морозова. Непосредственно – тот самый «Светлый путь». Девка удивила меня сильнее остальных. У нее было абсолютно неприметное лицо, широкий, немного приплюснутый нос, высокие скулы, узкие губы и серые, никакие, глаза. Вообще невыразительная особа. Просто – бесцветная картинка. Волосы, какого-то мышинового цвета, собраны в хвост. Взгляд – холодный, равнодушный. Как у змеи. Никаких эмоций. Вообще.

– Почему ты задержался на ней? – Спросил вдруг Ликвидатор.

Полковник наблюдал, как я рассматриваю наследников. Стоял возле окна, опираясь о подоконник и наклонив голову к плечу. Он будто пытался прислушаться к моим мыслям. Хотя, конечно, это невозможно. Могу сказать точно, без телепатии, Романовский не псионик. Грешным делом, несколько минут в моей голове имелась даже такая мысль. Ровно до того момента, когда он на веранде заговорил о своем плане.

Дело в том, что я, например, имея способности, никогда не задумывался об абсолютной власти. Тогда как Ликвидатору нужно именно это. И дело даже не в моем возрасте. Хотя, даже наоборот. Несмотря на мой возраст. Как раз в этот период в башку какая только чушь не лезет. Настя однажды спросила:

– Борь, а представь, кем бы ты мог быть, если бы начал жить в полную силу. Эх... Я бы, наверное, не удержалась. Я бы, наверное, как тряхнула всю Империю. Представляешь? Ведь если так задуматься, с тобой достаточно сложно будет сладить, когда ты выпустишь на волю все, что сидит внутри... Вспомни ту грозу. Случайную грозу... А если действовать целенаправленно...

Моя подруга покачала головой, уставившись вдаль туманным взглядом. Но тут же взяла себя в руки. Посмотрела на меня строго, а потом добавила:

– Так делать нельзя. Понял? Это я чисто теоретически предположила.

То есть, даже Настя, с ее природной, настоящей, не испорченной нашей сраной жизнью добротой, нет-нет, а представляла возможности псионика, примеряла их на себя. Я же – никогда не думал ни о чем подобном. Это сложно объяснить, но мне реально не интересна вся подобная ерунда. Вообще. Ни Империя, ни власть, ни хрен его знает, что еще.

Единственное, чего бы желал очень сильно – добиться возможности нормально жить таким, как я. Хотя бы про-

сто жить, а не прятаться крысами по углам. Желал бы, чтоб для псиоников создали школу, например. Нашу. Особенную. Где дети могли бы изучать свои способности. Очень хорошо помню то состояние, когда металлическая плита чуть не отрезала голову Жиртресту. Страх. Реально страх. Осознание – я псионик. Меня неизбежно убьют.

Но рядом была Настя. Она помогла протянуть все годы и не чокнуться. Помогла справиться с демонами, сидящими внутри. А остальные? Они проходят через это в одиночку. Потом их ловят и убивают.

Вот что волновало, по-настоящему интересовало меня. Я бы хотел получить знания и дать возможность сделать это другим. На хрен мне Империя? На хрен мне эти долбаные Корпорации? Чем больше власть, тем больше геморрой. Пусть грызут друг друга сколько угодно. Мне вообще нет до них дела.

Правда, бабла, конечно, хотелось. Чисто для нормальной жизни. Но даже с баблом я бы не был таким конченым мураком, как все эти богатеи.

В общем, сидя рядом с Ликвидатором на веранде, слушая его планы на будущее, в которых был он и только он, точно понял – нет, псионик не мыслит подобным образом. Ну, так я считаю, по крайней мере. А еще, Романовский не видит во мне человека. Для него я – этакое специфическое оружие, которое можно использовать в войне с Корпорациями. Не считает нас равными.

Поэтому даже нет необходимости проверять сознание полковника, ковыряться в его башке. И без того ясно, он – человек, возомнивший себя хрен пойми кем. Тем более, все равно не имеется возможностью его «послушать» через телепатию.

Я, памятуя о предупреждении, не рискнул включить способности в доме Романовских. Тем более, когда мы с Линой бродили по особняку до нашей ссоры, если это можно так назвать, она пояснила, территория по всему периметру обеспечена специальной защитой от псиоников. Без подробностей, конечно. Хотя я бы с большим удовольствием послушал детали. Что это за такая чудо-защита. Как оказалось, кто-то из моих «собратьев» уже несколько раз пытался прикончить полковника. Информация эта была секретной, особо нигде не афишировалось, но я уверен, врать в таких вещах девчонке смысла нет.

– Так почему она? Анна Морозова... – Повторил свой вопрос Ликвидатор.

– Не знаю... – Я снова уставился на фото наследницы самой богатой, самой могущественной Корпорации. – Наверное, потому что она опасна. Ей всего лишь шестнадцать, но она опасна.

– Неужели... – Романовский даже немного подался вперед, напоминая охотничьего пса, который взял след. – Чем же? Обычная девчонка. Далекое не самая умная, кстати.

– Способна переступить через всё и всех. Она может

убить, не задумываясь. Не в приступе злости или агрессии. Просто ради определенной цели. Очень спокойно убьет, если что... Равнодушие внутри. Ей реально глубоко насрать... – Я говорил, не отрывая взгляд от серого, невыразительного лица наследницы. Причём, сам не знаю, откуда взялись эти мысли.

– Отлично! – Полковник откинул голову назад и громко рассмеялся. Потом два раза хлопнул в ладоши, будто аплодируя. – Просто великолепно. Видишь ли в чем дело, Борис... Ох, прости... Антон. Теперь мы используем лишь это имя. Так вот. Антон... Я подозревал, что псионик, имеющий доступ к нескольким способностям, обретает еще кое-что. Ведь каждая из них – это мощная сила. Она оставляет след. А у тебя четыре таких силы. Четыре следа. Они активируют в твоём организме защитные механизмы даже без использования телепатии или телекинеза. Ты начинаешь чувствовать людей, читать их. Даже на расстоянии, даже по обычному фото. Да, все сказанное тобой о Морозовой исключительно верно. Хотя для всех, повторюсь, для всех без исключения эта малолетняя змея – добренькая благодетельница. Меценатка... Помогает детским домам. Работает вместе с волонтерами. И то, что ты не знаешь о ней столь известных фактов подтверждает, оценка, сказанная тобой сейчас, была настоящей.

– Ну, я просто никогда не интересовался ими. Наследниками, бенефициарами, Корпорациями. Только недавно стал

думать, как устроится на работу в столице и пришел в голову «Светлый путь». – Я пожал плечами.

– Да, это сразу понял. Ты сбежал в город, чтоб иметь возможность изменить свою жизнь. Хотел себе другое лицо. Хотел стать городским зажиточным парнем. – Романовский усмехнулся, довольный то ли мной, что я такой охранительный молодец, то ли собой. Второе, мне кажется, более вероятно.

– Да, именно так. – Ответил я Ликвидатору, а про себя подумал, пошел ты, придурок.

Просто Романовский искренне, похоже, верит, что раскусил меня. Он ведь столько лет ловит псиоников. Нет, полковник – старый, хитрый лис. Это – факт. Забывать о его опыте ни в коем случае не надо. Губит его лишь одно. Ликвидатор считает себя слишком умным. Это он зря. Такие вещи сильно расслабляют.

Но говорить ему о своих истинных целях, которые сподвигли меня уехать из родного города, конечно не стал. Пусть думает, что это была лишь погоня за красивой жизнью. Поэтому я просто молча, по второму кругу начал изучать объекты, с которыми предстоит работать.

В общем-то, наличие в списке именно этих имен объяснимо. В дворянском реестре Империи данные фамилии занимают первые четыре строчки. То есть, Ликвидатор решил бить по самым сильным Корпорациям. Логично.

Однако про Варвару Лопухину вчера не было сказано ни

слова. А Лопухины, если мне не изменяет память, что маловероятно, владеют Корпорацией «Рестория». Это, ни много, ни мало, пищевая промышленность. Интересно, почему Романовский не включил Варвару в число объектов, которые нам интересны?

– Лопушок?! Фу! Меня сейчас стошнит... – Ангелина демонстративно высунула язык, будто собирается реально выполнить угрозу. – Варя, давай не при мне. Ладно? Так... Отец велел завтра устроить вечеринку в честь приезда Тони...

– Антона. – Перебил я Романовскую.

– В честь приезда Тони. – Повторила она и с вызовом посмотрела мне в глаза.

– Ой, как интересно... – Варя расплылась в улыбке. – Вы явно не в восторге друг от друга. Приколно. Антон, ты, наверное, считаешь Лину высокомерной сукой?

– Ну, началось.... – Романовская насмешливо фыркнула. – Вообще-то, Варя, ты моя подруга, хочу напомнить.

– Вообще-то, ты реально высокомерная сука, хочу напомнить. – Варя со смехом шлепнула Лину по руке. – Идем внутрь. Сейчас начнется история. Ненавижу ее. Но надо, блин.

Лопухина потянула Ангелину за руку к высоким деревянным дверям с бронзовыми ручками. Однако, я успел заметить еще один взгляд, брошенный в мою сторону. Судя по всему, юной богачке реально приглянулся Антон. То есть я.

– Идём. – Влад хлопнул меня по плечу. – Привыкай, братишка, тут все девчонки те еще стервы.

Я кивнул, соглашаясь с его словами, и двинулся следом за Романовской, которая уже исчезла за входной дверью. Ну...

Что ж... Игра, как говорится, началась...

Первая стычка и первый результат

– Итак... Третья мировая война. Поговорим сегодня об ее итогах. О том, к чему привело бездумное желание человечества устроить драку за мировое господство... Это – очень важно, понимать причинно-следственную связь. История всегда развивается и движется по спирали.

Учитель, солидный мужик, лет сорока, с аккуратными усиками и бородкой, в классическом сером костюме и очках, расхаживал вдоль кафедры, громко рассуждая о теме урока. Говорил он, кстати, достаточно интересно, увлеченно. Ему явно нравится история.

Однако, из всех присутствующих слушал его только я, наверное. И то, вполуха. Просто лично меня занимали немного другие вещи. Я изучал тех, кто сидел в классе. Ликвидатор заверил, в школе защиты от псиоников нет. Все предельно просто. Псионикам даром не нужны отпрыски богатеев. Им бы самим выжить. На Ликвидатора они с той целью и покушались. Наивно полагая, будто смерть полковника изменит что-то.

А учеников ежегодно проверяют на наличие способностей. В этом плане исключений нет ни для кого. Хоть ты нищерброд из рабочего района, хоть охреневший сынок бенефициара. Ну, и кроме того, я так понял, эта удивительная защита – секретная фишка особистов. Они не сильно о ней

распространяются. Поэтому свои возможности мог использовать без опасения быть пойманным. Правда, не совсем уж в наглую. Это – уточнение Романовского. Он велел делать все аккуратно.

Если я хоть частично вникал в то, что говорил преподаватель, остальные вообще откровенно зевали, ковырялись в телефонах и планшетах, тихо переговаривались между собой. Сильно никто не хамел, конечно, но и с дисциплиной у них явно не задалось.

Ах, нет... была еще одна особа, внимавшая каждому слову господина Вятича. Так назвал свою фамилию историк, когда поприветствовал всех в начале урока.

Анна Морозова. Она сидела на первом ряду, слушала тему внимательно, периодически что-то строчила в планшете, но явно по делу, а не просто так. Наследница не общалась ни с девчонками, ни с парнями. Вообще. В классе она появилась одна. Ни с кем не здороваясь, прошла к своему месту. Устроилась поудобнее, достала все необходимое, так же не обращая внимания на одноклассников. В общем, всячески давала понять, мол, я не с вами, придурки. Я выше вас.

– Господи... – Громким шепотом высказалась Ангелина после того, как учитель сообщил, что зовут его Николай Вятич. Почему-то без отчества. Романовская закатила глаза вверх, демонстрируя легкое раздражение. – Он идиот, мне кажется. Каждый раз называется. Каждый долбаный раз урок начинается с фразы, напомним вам... Ну, и дальше по тексту.

Думает, за эти три года мы не запомнили, как его зовут?

– Ну, сестричка, тут сто́ит задуматься. Из всех присутствующих в аудитории, только у господина Вятича есть документ, подтверждающий наличие ума. Диплом о высшем образовании. Его мнению можно доверять. А то, что он считает вас одноклеточными амебами, не способными выучить фамилию... Знаешь, не его в том вина... не его...

Я закончил свою речь, повернулся и с насмешкой посмотрел на Романовскую. Она тоже в этот момент смотрела на меня. И физиономия у Лины была злая. А что ты хотела, стерва? Твой папаша сказал ведь, демонстрируем обоюдную неприязнь. Или девчонка думала, только она будет меня цеплять? Да хрен там.

– Мммм... – Варя выглянула из-за плеча подруги и подмигнула мне. – Я даже готова простить тебе, красавчик, что меня ты тоже внес в число идиотов. Зато нашу девочку поставил на месте знатно. А вы, смотрю, не сильно любите друг друга...

– Лопухина, Романовская и... простите, молодой человек. Вас вижу впервые. Представьтесь, будьте добры. – Учитель сразу отреагировал на нашу беседу. Видимо, мы все же слишком громко говорили между собой.

– Антон Лерманов. – Я встал из-за длинного стола и назвал имя, которое теперь принадлежит мне.

Вообще, школьные классы здесь, в этом заведении, сильно отличались от привычных. Во-первых, их называли иначе

– аудитории. Во-вторых, выглядели они, как небольшой амфитеатр. Широкие ступени шли вверх, на каждой такой ступени стояли длиннющие столы с лавочками. В итоге, ученики сидели не по два человека, а полноценными рядами. Поэтому по правую руку от меня устроились Влад и Николай, а по левую – Ангелина с Варей. Дальше – еще человек десять одноклассников.

– Ах, да... Вы – племянник Сергея Сергеевича... Как же... Помню, помню... Давно шел разговор о Вашем переводе. – Учитель кивнул. – Присаживайтесь. Вернёмся к началу диалога. Лопухина, Романовская и Лерманов, будьте любезны, оставьте ваши разговоры до перерыва. А Вам, Варвара Леонидовна, вообще надо вникать в историю более внимательно. Будущим бенефициарам весьма важно знать данный предмет.

– Да мне до черта чего надо и важно. – Тихо буркнула себе под нос Варя. – Жить только когда?

Учитель сделал вид, будто не услышал ее высказывания, и продолжил урок. Вернее, собрался продолжить. Дверь аудитории с грохотом распахнулась, в кабинет вошли трое парней.

– Мммм... Вот и наши звезды... – Тихо прокомментировала Лина. – Им, как видишь, Варечка, нихрена не надо. Они живут по своим правилам. Привыкают быть особенными.

Всех троих я узнал сразу. Шереметев, Бутурлин и Головин. Еще в начале урока, едва мы только пришли в класс,

обратил внимание на их отсутствие.

– Молодые люди... – Вятич снова замолчал на пару секунд. Наверное, подбирал приличные выражения. Феноменальная выдержка у мужика, конечно. – Урок начался десять минут назад. Вы опоздали. Будьте добры, покиньте класс.

– Бегу и падаю. – Бросил в сторону преподавателя Макс Бутурлин.

При этом он даже не сбился с шага. Топал уверенно в сторону рядов, чтоб занять свободное место. Наследник «Источника» демонстративно пережёвывал жвачку, надувая пузыри.

Головин и Шереметев вели себя чуть адекватнее, но на слова учителя тоже внимания не обратили.

– Молодые люди! – Вятич, видимо, решил пойти на принцип. – Вы стабильно опаздываете на мои уроки. Я уже предупреждал, что больше такого не потреплю.

– Ой, мляяя... – Бутурлин замер. Стоял он в данный момент лицом к ученикам. Наследник усмехнулся, окинул взглядом одноклассников, которые с интересом ожидали продолжения, а затем резко крутанулся на месте, развернувшись, и в два шага оказался рядом с учителем. – А если мы не хотим выходить?

Этот мудака задал вопрос, затем надул очередной пузырь и лопнул его почти перед носом Вятича.

Учитель от неожиданности и откровенности такого хамства вздрогнул. Выглядел он, конечно, совсем несчастным.

С одной стороны, есть вопрос уважения и субординации, на которые сейчас кладут мужской плловой орган, а с другой – трое этих мудаков являются будущими владельцами Корпораций. С ними связываться – себе дороже. Конечно, никто не осудит Вятича, если он отступит.

– Тем не менее, вы все равно покинете класс.

Я с удивлением уставился на учителя. Он серьезно? Лицо у Вятича побледнело и одновременно пошло красными пятнами. Губы немного дрожали. Я видел, как сильно он нервничает. Но при этом, несмотря на обстоятельства, мужик решил стоять на своем. Ну, что ж... достойно уважения. Впервые вижу такое, если честно. В моей прошлой школе против сраного Костырева никто бы никогда слова не сказал. А тут – наследник бенефициара.

– Да пошел ты... – Бутурлин лопнул еще один пузырь.

Лопнул так «удачно», что жвачка вылетела из его рта и шлёпнулась прямо на учительский костюм. Естественно, все прекрасно поняли, Макс сделал это специально. На задних рядах кто-то тихо хихикнул.

Ну, что ж... Похоже, пора что-то предпринять. Я мысленно усмехнулся, а потом очень осторожно запустил телепатию. Если бы этому можно было бы придать физическое воплощение, то, пожалуй, возникла бы картина, как по классу медленно тянет свои щупальца туман.

Это, кстати, тоже заслуга Насти. То, что я могу включать и выключать способности. Когда начал слышать голоса окру-

жающих, а вернее, их мысли, думал, с ума сойду. Двадцать четыре часа вокруг меня стоял гул. А если учитывать, о чем думают люди, полагая, что их мысли никому не доступны, то вообще полный треш. Я с большей частью района перестал здороваться. А при виде некоторых вообще сразу переходил на противоположную сторону. Именно подруга подсказала мне выход.

– Борь, а ты попробуй представить, будто это – не люди. Представь, будто это – самое настоящее радио. И вот ты берешь и крутишь ручку громкости. До упора, пока не щёлкнет. Мы не знаем ничего о твоих способностях. Это – плохо. Но с другой стороны, факт известный, что псионика привязана к работе мозговых клеток, к нейронным связям. Значит, ты можешь дать подобную команду. Вообрази, будто выключаешь звук и все.

Самое интересное, сработало. Чему я бесконечно был рад. Даже не считая угрозы со стороны особистов, жить, когда вокруг тебя постоянно перемещаются предметы, когда люди кричат свои поганые мыслишки прямо тебе в мозг, когда в любой момент ты можешь расплавить рандомный металлический предмет к чертям собачьим или наоборот, заморозить – очень сомнительное удовольствие.

Но в данную секунду мне нужно было понять, верно ли мое желание вмешаться в события. Не навредит ли оно. Чисто интуитивно, я понимал, лучше всего делать то, что говорит нутро. Оно вряд ли ошибается.

«Какие же мудаки, прости Господи... Стану во главе Корпорации, «закажу» этих троих. Велю, чтоб им кишки выпустили. И намотали на шею. Или... Или яйца отрезали. Зачем им яйца? Таким уродам лучше не размножаться...»

Я с удивлением посмотрел на Морозову. С удивлением – не потому что она спокойно размышляла, как грохнет своих «собратьев» при первой возможности. Нет. Дело не в этом. Просто в башке у девки – кровожадные планы, а лицо – будто святая дева сидит. Глазки честные-пречестные. Хотя, я отчетливо увидел картинку, Морозова протягивает руку и ей туда кладут окровавленные куски. Жесть... Она реально представила, как принесли отрезанные яйца этих троих.

«Черт... Антон очень хорошенький... Надо на вечеринку завтра выбрать какой-нибудь соответствующий наряд...

Бутурлин! Сядь уже, мудила... Отвлекаешь!»

Ну, тут даже не стал оборачиваться в сторону Вари. И так понятно, мысли принадлежат именно ей. Интонация. Тон. Тембр. Ничего не меняется, независимо от того, говорит человек вслух или думает.

«Бутурлин крутой...»

«Блин, учителя жаль, конечно...»

«Когда же закончится этот долбаный урок... Жрать охота... Интересно, что сегодня подадут во время обеда...»

«Ну, давай... Двинь мне в морду... Ссыкло учительское... Все вы – ссыкливые трусы...»

Конкретно этот голос был наглый, самоуверенный. При-

надлежал он Бутурлину. Собственно говоря, именно его мысли меня интересовали в первую очередь. Пацану скучно. Он просто в конец обнаглевший придурок, которому скучно...

Кстати... единственная, чьи мысли оставались белым шумом – Ангелина. Я не услышал ни черта. Можно, конечно, допустить, что у нее их просто нет, но это вряд ли. Девка слишком сообразительная. Видимо, папочка позаботился. Вручил ей какое-нибудь украшение с защитой.

– Ну, что ж... В морду, так в морду... – Тихо сказал я себе под нос, а потом резко встал из-за стола.

Выбираться через парней, которые сидели ближе к проходу, – тратить время. А сейчас самое главное – эффект неожиданности. Поэтому, не долго думая, я перемахнул через стол, потом перепрыгнул следующий ряд и оказался прямо возле кафедры, где стояли учитель и Бутурлин. С ходу, не останавливаясь, сгрёб наследника обеими руками за грудки, а затем без лишних слов или вопросов, зарядил ему башкой в переносицу. Так как подобной эскапады он точно не ожидал, даже, мне кажется, не понял, что происходит, то и защититься пацан не успел.

– Сука! – Взвыл Макс, ухватившись за свой благородный профиль. – Ты, млять, кто вообще такой?! Дебил!

Я не стал ждать продолжения столь содержательной речи. Рывком дернул Бутурлина вперед, а потом, что есть, волоком дотащил его до двери, толкнул створку и выкинул на-

следника в коридор. Благо, несмотря на мой реальный возраст, я в отличие от этих богатеев, всю жизнь провел на улице. Да, в детстве был ссылком. Это – факт. Но потом что-то во мне поменялось. После того случая с двумя бродяжками, которые хотели обидеть Настю. Пропал страх. Вообще. Исчез, будто и не было никогда.

А после драки с Костыревым, который, на секундочку, занимался всем, чем только можно, я точно понял одну вещь. Дело не в том, насколько ты физически силен или высок ростом. Главное – твоя злость. Если она есть, если ты готов ее выпустить, то срать, насколько крепнее противник. Не достану кулаком, значит, подпрыгну и выгрызу ему кадык.

Осторожно прикрыл дверь. Матерные завывания Бутурлина, доносившиеся из коридора, стали тише. Затем обернулся к учителю.

– Извините. Продолжайте рассказывать. Очень интересно.

Вятич стоял, открыв рот. Смотрел с таким выражением, будто я только что показал ему собственную задницу, из которой, к примеру, растет хвост. Впрочем, не только он. Весь класс вытаращился в мою сторону с охреневшими лицами. Шереметев и Головин, которые еще не успели усесться, так и замерли в проходе.

Я спокойненько направился к ступеням. Проскользнул мимо двух наследников, бестолково хлопающих глазами. Они вообще, походу, не понимали, что им надо делать. С од-

ной стороны, их другу только что разбили хлебало, а с другой, подозреваю, подобных ситуаций прежде у них не бывало.

Влад и Николай, как только я приблизился, моментально вскочили, пропуская меня на место. Оба они смотрели с неким восхищением. Отлично. Впечатление я произвёл.

– Он сейчас побежит жаловаться. – Громким шепотом высказалась Лопухина. Она снова вылезла из-за плеча Ангелины, чтоб лучше меня видеть. – Зачем ты с ним сцепился? Будет очень обидно, если тебя в первый же день выгонят из школы. Это же Бутурлин!

– Не побежит. – Я равнодушно пожал плечами.

Потому что знал наверняка, точно не побежит. Идти к директору жаловаться, это значит, расписаться в своей слабости. Бутурлин такого не допустит. Он будет думать, как отомстить. Именно мне отомстить. Лично. Так же прилюдно.

Я уселся на свое место, подтянул к себе планшет и уставился на учителя внимательным взглядом. Мол, ну, давай, чего заткнулся?

– Эм... Да... Господа, сядьте уже, будьте добры. – Вятич махнул рукой дружкам Бутурлина, которые раскорячились в проходе.

Они как-то растерянно потоптались на месте, буквально пару секунд, а потом все-таки прошли к свободным местам.

– Оригинальный подход... – Романовская, не поворачивая головы, еле слышно, почти одними губами, прокоммен-

тировала случившееся. Думаю, кроме меня никто и не заметил, не разобрал ее слов. Просто я ждал от Лины реакции, потому прислушивался.

Прекрасно понял, о чем она говорит, но промолчал. Объясню позже, когда мы окажемся подальше от лишних ушей и глаз.

– То есть, вот так теперь парни заводят дружбу... – Романовская, видимо, была слишком зла. Никак не могла заткнуться.

– Поговорим дома. – Отрезал я. – Сиди вон, слушай про третью мировую. Развязали, между прочим, такие же конечные придурки, как все вы.

– Да пошел ты! – Фыркнула Лина, но потом всё-таки замолчала.

Я был доволен. Одним поступком убил даже не двух зайцев, а трех. Выместил раздражение на его причине. Потому что Бутурлин меня реально вывел. В морду ему я дал с огромнейшим удовольствием. Привлёл внимание наследников. Причем конкретно так привлёк. Насчет Головина и Шереметева пока ничего не скажу, но Бутурлин признает только тех, кто сильнее. Слабые для него – пустое место. Даже если мы с Романовской подеремся на его глазах, он хрен соберётся завязывать со мной дружбу. А вот теперь – вполне может быть. И третья...

До конца урока я несколько раз замечал, как Морозова осторожно поворачивает голову и смотрит куда-то в угол. На

самом деле, она таким образом паялилась на меня.

Знакомство продолжается

– Ты дебил?! Ты, блин, дебил? Псих?! Ооооо... Псих! Точно! – Ангелина буквально выплюнула последнее слово, потом вдруг резко замолчала и отстранилась, сделав шаг назад.

Хотя всего секунду назад ее лицо находилось очень близко от моего. Настолько близко, что я видел мельчайшие детали этого лица. Например, маленькую родинку над правой бровью. Она почему-то привлекла мое внимание. Пялился, как замороженный, на крохотное пятнышко, пока Романовская, брызгая слюной, обзывала меня различными словами.

Девчонка, кстати, от злости вообще не контролировала себя. Даже как-то неожиданно. Я подозревал, она более стойкая в плане эмоций. Но ни фига. Крыло ее знатно.

Романовская сразу после урока истории, не успели мы выйти из аудитории, схватила меня за рукав и потащила куда-то по коридору. Как выяснилось через пару минут – в сортир. В женский, причем. Будто нет более подходящих мест для разговоров. Я успел мельком заметить на двери изображение девочки, когда уже оказался рядом.

– Эй, чокнутая семейка! – Крикнула нам вслед Лопухина. – А геометрия? Куда вы?

– Скоро вернемся. Возможно даже вдвоем. – Ответила ей на ходу Лина, затем тихо добавила. – Если я кое-кого не при-

душу.

Кстати, взглядами проводили нас все, кто был в коридоре, а не только Варя. Одноклассники выскакивали из аудитории и тут же, не теряя ни секунды, с восторгом рассказывали о случившемся остальным ученикам из параллели или тем, кто на год младше. Пожалуй, даже первоклашки скоро узнают подробности произошедшего.

Видимо, сам факт, что один из Наследников отхватил по роже, произвёл на богатеньких отпрысков сильное впечатление. Они, мне кажется, сами не до конца понимали, как на такое реагировать. У них столь значимых моментов не случилось. Подозреваю, стычки между учениками заканчивались всегда на уровне, свойственном Романовской. Обозвали друг друга, оскорбили, показали зубы и все. Более серьезное – ни в коем случае. Они же здесь – из определенного общества. Все, до единого. Максимум, чем могут померяться, это толщиной папашиных кошельков. Ну, может, у кого еще фамилия круче. Смысл драться? Это – история, свойственная нищebroдам.

Я понял столь удивительную истину еще в момент своей драки с Костыревым, кстати. Что богатеи, на самом деле, считают зазорным тупо подойти к противнику и выбить ему парочку зубов. Честно, открыто, без всяких хитрожопых вывертов. Типа, это ниже из достоинства. Тогда ведь получилось то же самое.

Мы с Настей проучились год. Год ежедневных насмешек

со стороны Костырева и его компании. К тому же, стараясь угодить Золотому мальчику, остальные наперегонки использовали любую возможность плюнуть нам с Настей в лицо каким-нибудь обидным словечком. Я, если честно, вообще перестал обращать внимания на их дебильные попытки зацепить нас. Только Настя переживала. Вот ее это почему-то задевало сильно. Возможно, из-за того, что она изначально считала всех людей хорошими и свято верила, мы не заслуживаем подобного отношения. Представить не могу, как она при том образе жизни, который имелся, ухитрялась сохранять веру во что-то доброе и светлое. Честно. Отец – алкоголик, нищета, в семье – вечные ссоры, денег нет, нормального быта нет. Но при этом Настя никогда не унывала. Реально. Вообще никогда.

В тот день Костырев был в ударе. Наверное, потому что я в тот день проявлял особое равнодушие к нападкам. Даже наоборот. У меня с самого утра задалось отличное настроение и всякое мудачье мало волновало. Уроки уже закончились. Мы вышли на улицу. Как назло, школьный автобус, на котором ездили домой, задерживался. Поэтому я и девчонка стояли возле ступеней, ожидая, когда появится Ахмед.

– Интересно... А каково это, жить на помойке... – Костырев с Залесской и их прихвостнями ошивались неподалеку. Никита, как обычно, высказывался громко. Настолько, чтоб мы с Настей обязательно его слышали.

Я даже бровью не повел. С полной отдачей внимал по-

друге, которая захлеб рассказывала о какой-то охранительной сложной теореме. Ни черта, правда, не соображал, но усиленно кивал в нужные моменты и даже периодически «охал». Много старания не требуется, чтоб изобразить интерес, а Насте приятно.

– Крысы, наверное, не понимают, что они крысы. Вот и не замечают того дерьма, которое их окружает. – Усирался Костырев.

Он, похоже, в отличие от меня, пребывал в дурном расположении духа. Не знаю, что там у него произошло. Да и плевать. Может, папочка урезал финансы. Может, не купил какую-нибудь дорогую игрушку. В общем, по хрену. Дело не в этом. Просто Золотой мальчик очевидно поставил себе цель – вывести меня на эмоции. А я, вот ведь засада, никак не выводился.

– Эй, Левина! Смотри. Хочешь подарок на память? – Позвал Никита Настю.

Девчонка вздрогнула, посмотрела на меня испуганно, а потом оглянулась на компанию нашей школьной звезды. Она просто весь год разрывалась между тем, что я органически не выносил этого уroda, а ей он по-прежнему фанатично нравился.

Никита протягивал в сторону Насти кулон на цепочке. Подозреваю, не сильно дорогой. Даже не могу представить, где он вообще его взял. Единственное, после своих слов про подарок, он шелкнул крышечкой маленького сердечка.

Крышечка открылась и там обнаружилась небольшая цифровая фотография Золотого мальчика. Наверное, какая-нибудь влюблённая идиотка заказала. Другого объяснения не нахожу. Хотя, этот придурок мог сам для себя сделать, чтоб потешить самолюбие и заодно раздавать глупым девочкам, которые смотрят на него, открыв рот.

Настя снова уставилась на меня. Она будто молча спрашивала совета.

– Ты знаешь, что я о нем думаю. Он – конченный урод. Ногтя твоего не стоит. Не унижайся. – Я пожал плечами.

Хотя, на самом деле, хотелось взять Настю за шиворот, потряхнуть со всей силы, а потом крикнуть в ухо – очнись! Ты вообще не видишь его настоящего лица?

– Ну, он вроде бы искренне... Может, кому-то не подошло... – Настя заглядывала мне в глаза, словно ждала чего-то.

Хрен пойму, правда, чего. Девчонки иногда напоминают абсолютно неизвестных существ. В голове у них – вселенная, которая состоит из черных дыр.

– Смотри сама. – Я опять, как дурак, пожал плечами. Заладил одно и то же. Но мне не хотелось расстраивать Настю. Вот просто не хотелось и все. Не в этот день.

– Я только возьму на память... – Девчонка повернулась к Костыреву, а потом решительно направилась в его сторону.

Однако, когда она подошла совсем близко и протянула руку, собираясь забрать кулон, Никита спрятал его за спину.

– А ты мне что взамен? – Он с улыбкой посмотрел на нее.

Эта улыбка... Было в ней что-то противное. Намек какой-то, типа того. Я сразу напрягся, чувствуя подвох.

– Не знаю... Мне нечего дать. – Настя растерялась.

Ясное дело, нам было в тот момент по тринадцать. Нет, все темы интима и отношения полов, интересующие ровесников, и меня, и Настю, конечно, тоже интересовали. Иногда даже со смехом говорили об этом. Но особо заморачиваться о чем-то подобном просто не было возможности.

– А если хорошо подумать... – Костырев шагнул к Насте и положил руку ей на талию.

В этот момент, не выдержав, тихо прыснула в кулак Залесская. Ее смех меня отрезвил. Потому что я, как идиот, замер на месте, уставившись на ладонь Костырева, которая начала скользить ниже. Ещё чуть-чуть, и она, эта долбанная ладонь, опустится прямо девчонке на задницу. Да, моя наивная подруга, наконец, поймёт, в какого мудака влюбилась. Но с другой стороны... Сейчас Костырев выставит ее посмешищем. Причём, в пошлой манере. В том и есть суть его действий. Он не смог зацепить меня. Теперь хочет обидеть Настю. Но черт... Я вдруг отчетливо представил, как больно будет моему единственному, настоящему, близкому другу. Она же стоит, смотрит на него с восхищением и ни черта не понимает.

Решение пришло резко. Было оно неожиданным. И, сказать честно, я не особо отдавал себе отчет. Просто вдруг со-

рвался с места, на ходу подобрал с земли камень и уже через секунду медленно двигался вдоль блестящей тачки Золотого мальчика. Камень с противным скрежетом скользил по капоту, по двери, по багажнику, оставляя за собой глубокие царапины.

– Ты охренел?! – Костырев моментально забыл про Настю. Он оттолкнул ее и бросился к машине. Я, выполнив задуманное, стоял рядом. Бросил камень в сторону и нагло ухмылялся Никите в лицо. – Испортил тачку! Ты совсем движуха?! Знаешь, сколько она стоит? Да ты не расплатишься, тварина! Твою девку в бордель придётся отдать. И то хрен хватит!

В общем-то... Он не ожидал, что я на него кинусь. Реально не ожидал. Был слишком уверен в себе, в своём положении, в папашиней власти. А я кинулся. Впервые моя яростная злость трансформировалась не в проявление способностей псионика, а в банальное желание разорвать этого гада, стереть с его смазливой рожи любой намек на ту улыбку, с которой он смотрел на Настю.

Я даже не помню, как и кто нас растащил. Не помню, как Костырева увели в медпункт. У него был сломан нос, свернута челюсть, разбиты губы... Пришёл в себя, только когда передо мной плевалась слюной директриса. Она обещала, как минимум, уголовную статью, а как максимум – чуть ли не смертную казнь. Короче, сама была в панике. Богатеев не бью по морде. Им не ломают носы. Богатеи к такому не

готовы. Вот, что я тогда понял.

Еще, рядом плакала Настя, которая крепко сжимала мою руку. Потом, правда, когда все обошлось, девчонка высказала за то, что я своим дурацким поступком обломал ей такой подарок. Я ничего не стал говорить в ответ. Просто развёл руками, мол, ты же знаешь, как сильно я не люблю этого уroda.

Но самое интересное произошло, когда Костырев-старший появился в школе, чтоб забрать сынка. Ему сразу сообщили, дабы не пострадало потом учебное заведение. Он подошёл ко мне. Пару минут молча рассматривал с интересом. Затем хмыкнул, велел директорисе не исключать виновника драки из школы, и исчез в стороне медпункта. Почему этот человек поступил именно так, не знаю. Но именно в тот день я понял, драка – прерогатива нищевродов. И да, я – нищеврод. Если ситуация того требует, буду драться снова. Пошли все на хрен. Поэтому, изначально понимал, Бутурлин офигеет от моего поступка. Соответственно, можно действовать без опасений.

Но Лина, конечно, всего этого не знала. Ее буквально разрывало на части от бешенства. Она затолкнула меня внутрь, захлопнула дверь, а потом подскочила и начала высказывать все накопившиеся обидные слова. В частности, насчет дебила и психа. Ну, как обидные... вообще по фигу, если честно. Она, наверное, думала, это заденет мое самолюбие. Очень наивно. Я за два года учебы в элитной школе нашего городка

чего только не слышал. Уж точно похуже, чем вполне невинное «псих».

– О-о-о-о-о... – Лина нахмурилась и постучала кончиком указательного пальца по уголку губ. – Я поняла. Ты не психоник. Ты псих... Вот оно объяснение...

– Слушай, то что ты здесь, в школьном сортире, используешь данное слово, приносит гораздо больше вреда, чем мои поступки. Думаю, подобные выражения вообще не нужно произносить вслух. Знаешь, как говорят, и у стен есть уши. Уверена, что мы одни?

Романовская вздрогнула, испуганно оглянулась. Все двери кабинок были открыты. Ясное дело, свидетели отсутствуют. Иначе мы бы их заметили.

– Черт... Конечно, никого нет. Я же не дура...

Ангелина за эту секунду, пока отвлеклась на сторонний вопрос, успела взять себя в руки. Подозреваю, подобное состояние ей мало знакомо. Она плохо контролирует эмоции. Не знает, как это делать. Получается, девчонка редко выходит из себя. Значит, у меня получается доставать ее настолько, что у стервы срывает стоп краны. Неплохо...

– Зачем ты разбил ему нос? – Спросила Ангелина уже более спокойным тоном. Потом резко обернулась к двери и заорала. – Идите на хрен! Занято!

Там какая-то бедолага пыталась войти в сортир. Однако, заметив нашу парочку, а тем более, услышав слова Романовской, школьница очень резко закрыла дверь обратно и рва-

нула подальше от психованной старшеклассницы.

– Ну, вот... Начался конструктивный диалог. – Я отодвинул Ангелину в сторону, подошёл к раковине, открыл воду.

Почти минуту, не торопясь, тщательно мыл руки, рассматривая свое новое лицо в зеркале. Меня больше не парит контроль. Вот, что интересно. Вообще не парит, как было до встречи с Романовской. Я ощущаю лицо ее брата, словно родное. Даже периодически забываю о том, что на мне чужой образ. Сомневаться больше не приходится. Чем чаще я использую какую-то определенную способность в определенном вопросе, у меня это получается все лучше и лучше, с каждым разом.

– Ну! Ответ будет? – Романовская замерла сзади, сложив руки на груди. Стояла за моей спиной, будто воплощение совести.

– Бутурлин... Наглый, эгоистичный, высокомерный муздак, для которого не существует авторитетов. Впрочем, как и все вы...

Я потянулся к бумажным полотенцам, оторвал кусок и вытер мокрые руки. Бумажные полотенца – это роскошь. Крайне необдуманно тратить столь ценный продукт на то, чтоб тупо использовать его для абсолютно репродуктивного действия.

– У него есть лишь одна особенность. Можно сказать, слабость. Ему скучно. Ради того, чтоб добавить в свое жалкое, тупое, паразитирующее существование огоньку, этот пацан

способен на все. Экстрим, адреналин, опасность. Уверен, если копнуть, там сто процентов всплывут какие-то запрещенные развлечения. Так вот... Ему не интересно, с кем ты там ругаешься, скандалишь или кого ненавидишь. Ему вообще на это плевать. Но тот, кто осмелился дать самому Максиму Бутурлину в рожу – его он точно выделит из окружения. Сначала это будет ненависть. Хотя... нет. Даже не ненависть. Скорее, злость и недоумение. Сейчас он соображает, как бы отомстить охреневшему новенькому. Но он наверняка заинтересовался. В общем, Лина...

Я одним движением выбросил смятое полотенце в мусорное ведро, затем развернулся к девчонке лицом.

– Мне кажется ты не совсем готова к столь серьёзным вещам, как то, что мы задумали. Устраиваешь истерику и мешаешь мне реализовывать план твоего отца. Поговорю с ним сегодня об этом.

Не дожидаясь ее ответа, прошел к двери, толкнул створку и шагнул в коридор. Меня распирало от злого, но очень приятного удовольствия. Не мог стереть с лица улыбку. Так и шел, улыбаясь, словно дурачок.

Причем, топал, сам не знаю, куда. По идее, следующий урок – геометрия, как сказала Лопухина. Но где искать аудиторию, не имею ни малейшего понятия. Ангелина догонять меня не торопилась. Видимо, бьется головой об стену в приступе бешенства. Черт... Охренительное чувство. Наконец, я могу вести себя хоть с кем-то из этой долбанной богатень-

кой тусовки, как мне хочется. Говорить, что думаю. Называть их, как они того заслуживают. Уроды, блин...

– Антон... Антон!

Меня поймали за руку. Я остановился. Дебильное имя, но надо к нему привыкать. Рядом стояла Варя.

– Куда ты? В другую сторону нужно. Ждала вас. Честно говоря, думала поубиваете там друг друга.

Наследница потянула меня к открытому класса.

– Идем. А где сестра твоя? – Она покрутила головой, выскывая Романовскую среди толпы школьников, спящих по коридору. Заметив меня, кстати, многие тут же начинали переговариваться. Вот она, популярность.

– Сейчас присоединиться. – Я махнул небрежно рукой. – Не заморачивайся. Лина точно не заблудится.

– Это однозначно. У вас, конечно, все сложно, насколько я понимаю. Ох, уж эти родственные связи... – Варя засмеялась.

Хотя, честно говоря, не знаю, что она нашла смешного. По идее, должна бы переживать за подругу, но, судя по всему, переживания точно отсутствуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.